

Ахматова и т.н. «сироты»

Roman Timenchik
Akhmatova and so-called “Orphans”

Роман Тименчик (Еврейский университет в Иерусалиме, профессор; кандидат филологических наук)

Ключевые слова: Анна Ахматова, Анатолий Найман, Дмитрий Бобышев, Евгений Рейн, Иосиф Бродский, литературная школа

УДК: 82(091)
DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_222

Статья возвращается к вопросу о приложимости понятия «литературная школа» к четырем молодым ленинградским поэтам, окружавшим Ахматову в 1962—1966 годы. Рассматриваются интertextуальные связи сочинений Ахматовой и Анатолия Наймана; в приложении публикуется неопубликованное эссе Наймана 1964 года.

Roman Timenchik (PhD; Professor, The Hebrew University of Jerusalem)

Key words: Anna Akhmatova, Anatoly Naiman, Dmitry Bobyshev, Evgeny Rein, Joseph Brodsky, literary school

UDC: 82(091)
DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_222

The article returns to the validity of the notion of “the literary school” when speaking of the group of four young Leningrad poets centered around Anna Akhmatova in 1962—1966. The intertextual interrelations of the writings of Akhmatova and Anatoly Naiman are addressed and Naiman’s unpublished essay of 1964 is annexed.

Недавнее открытие фонда А.Г. Наймана в библиотеке Принстонского университета намечает перспективу накопления историко-архивного знания¹ о литературном факте, неотделимом от феномена Ахматовой ее закатного пятилетия. В дескриптивную историю литературы вступят всей квадригой те, кого один из них, Дмитрий Бобышев, окольно назвал в мадригале к Ахматовой великолепными, magnificent four², препровождая к американскому вестерну, ворвавшемуся тогда в советский прокат и впитанному 20 миллионами местных зрителей, к неудовольствию госбезопасности [Тименчик 2014, 1: 489; 2014, 2: 609—610].

С какого же момента той литературной современности, коей требовательными соглядатаями мы обретались шесть десятков лет, присваивается звание истории словесности? — вопрос этот принадлежит к безответным и обозначает неизбежные риски совмещения взгляда через бинокль и разглядывания в микроскоп, сомнительного синтеза суетливости болельщика и безгневности поседелого дьяка. Безусловно только то, что с момента аттестации как истории

1 Собственно говоря, первым опытом академического изучения так называемых ленинградских аввакумовцев явилась докторская диссертация, руководимая Борисом Гаспаровым и Ириной Рейфман и консультируемая А.Г. Найманом, Г.М. Наринской и Д.В. Бобышевым [Shohl Rosen 2011]; см. также: [Морев 2024].

2 Бобышев Д. «Еще подыщем трех и всемером...». 9 марта 1963 года // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1073. № 556; ср. также: «Труднее всего — из-за толчей — попасть на американский ковбойский фильм с Джюлем Брюннером — “Семеро прославленных”» (Михайлов М. Лето московское 1964 // Посев. 1965. № 11 (982). С. 6).

литературного процесса вкусовые, групповые и гиперактивные эмоции явственно меркнут.

На небольшом отдалении от этого вопроса располагается напоминание о том, что на пути к восстановлению летописи поэтического квартета историографу предстоит пройти через четверосказание героев с их артистичными додрисовываниями былого, устраниениями помарок судьбы, автореторедактурой и импровизациями.

Мы находимся в самом начале складывания *curriculum vitæ* литгруппы.

Четверка как дружественное единство просуществовала — перед тем как разбежаться в мировом пространстве³ — около двух лет⁴ под призором Ахматовой, которая говорила: «При этих мальчиках я играю все роли — от *grand coquette* до комической старухи...», — чем вызвала раздражение своего близкого друга литературоведа И.Н. Медведевой⁵, помнившей о роковом ждановском обвинении в растлении молодежи⁶. По поводу разлитого по поколению страха рецидива поучивала Ахматова в устном рассказе, записанном Д. Бобышевым, о том, как после обильного ужина у Пастернака Андрей Вознесенский и еще один молодой человек,

которые после третьей рюмки шатались, как тростник под ветром, взялись меня провожать. Уже на лестнице не они меня, а я их держала. Впереди была Ордынка, освещенная огнями, и поодаль — милиционер. Ну, думаю, спросит у меня документы. Ага. Ахматова. С пьяными мальчиками. «Чему она может научить нашу молодежь?» — вспомнились слова из известного доклада⁷.

Д.В. Бобышев и Е.Б. Рейн представились Ахматовой в 1961 году (Рейн вспоминал еще о детском знакомстве через свою родственницу В.С. Познанскую⁸), и в ахматовском архиве отложилась записка: «Дорогая Анна Андреевна! Поздравляем Вас с Новым Годом. Очень хотим, чтобы это был удачный, здоровый, приятный Вам Год. Ваши инженеры Бобышев и Рейн»⁹. В том же шесть-

3 См., например, письмо А.Г. Наймана к пишущему эти строки от 13 октября 1973 года: «Сообщают, что Бродского деньги не испортили, что он находится в контакте со сливками общества обоих Светов, бегло говорит на жаргоне этих сливок, в Россию собирается лет через 7—8 в качестве туриста».

4 См.: «...четыре стихотворца-побратима. / Их дружба, как и жизнь, необратима» (Бобышев Д. Траурные октавы // Памяти Анны Ахматовой. Стихи. Письма. Воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1974. С. 202).

5 См. свидетельство З.Б. Томашевской: «Мама писала, что Ахматова развращает молодых людей. Что она не может стать их учителем в том смысле, в каком учителем для Пушкина был Жуковский... Все это она могла сказать и в лицо» (Ласкин А. Время назад! М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 178—179).

6 См., например: «И вдруг на двадцать девятом году социалистической революции жив курилка, появляется музейная редкость и начинает проповедоваться как представительница высокой поэзии. <...> И вы будете нести ответственность, если будете отравлять сознание молодежи духом такой поэзии, если будете прививать такого рода тенденции, которые связаны с безудержной пропагандой свободы личности, анархической, свободы любви и прочих вещей, на чем специализировалась Анна Ахматова» [Тименчик 2014, 1: 27].

7 Бобышев Д. Я здесь (Человекотекст). М.: Вагриус, 2003. С. 319.

8 Рейн Е.Б. Мне скучно без Довлатова: новые сцены из жизни московской богемы. Поэмы и рассказы. СПб.: Лимбус-Пресс, 1997. С. 59—60; о Валерии Сергеевне (Шулимоновне) Познанской (Шлейман) (1901—?) см.: [Тименчик 2021а: 116—117, 119—121].

9 ОР РНБ. Ф. 1073. № 972.

десят первом году Рейн свозил Бродского к Ахматовой, и вскоре ей был показан «Петербургский роман», посвященный в своем начале Анатолию Найману («...опять упасть себе мешаю / пред чешским именем твоим...»¹⁰), где ее остановили строки о пребывании автора в ленинградском КГБ осенью 1960 года [Тименчик 2014, 1: 240; 2014, 2: 345] и не могло не зацепить глаза вторжение в пространство («на полстолетия обратно») ее не написанной автобиографии:

Меж Пестеля и Маяковской
стоит шестиэтажный дом.
Когда-то юный Мережковский
и Гиппиус прожили в нем
два года этого столетья.
Теперь на третьем этаже
живет герой, и время вертит
свой циферблат в его душе¹¹.

Ср. запись в прозаическом наброске: «...и дом Мурузи, где я в посл[едний] раз видела Н[иколая] С[тепановича] и где жил Иосиф [Бродский]»¹².

Скорее с Лиговки на Невский,
где магазины через дверь,
где так легко с Комиссаржевской
ты разминулся бы теперь¹³.

См. слова Ахматовой о В.Ф. Комиссаржевской возле дома, где та умерла в Ташкенте: «В 1910 году, — сказала Анна Андреевна. — До всего!..»¹⁴

10 Бродский И. Сочинения / Сост. и подгот. Г.Ф. Комарова. Т. 1. СПб.: Пушкинский фонд. 1992. С. 66. См. справку о Станиславе Костке Неймане: [Тименчик 2006: 157–158].

11 Бродский И. Сочинения. Т. 1. С. 68; супруги Мережковские прожили в разных квартирах дома Мурузи почти два десятилетия, см.: lucas_v_leyden. Записки комментатора: Мережковские в доме Мурузи // <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/290656.html> (дата обращения: 07.02.2025); см. также: [Тименчик 2010: 216–217] («Мурузи Александр Дмитриевич»).

12 Ахматова А. Записные книжки. (1958?–1966) / Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. статья Э.Г. Герштейн; науч. консульт., ввод. заметки к записным книжкам, указ. В.А. Черных. М.; Torino: Einaudi, 1996. С. 216; об истории этого дома Бродский писал в эссе «Полторы комнаты», и его пренебрежение фактографией отмечено другом Бродского историком В.В. Герасимовым (1935–2015): Ковалова А. И.Б., сосед по коммуналке: глава из несостоявшейся книги // Нева. 2010. № 5. С. 215.

13 Бродский И. Сочинения. Т. 1. С. 65. Ленинградский драматический театр, к которому можно пробраться через универмаг «Пассаж», в 1959 году получил имя Веры Комиссаржевской.

14 Бабаев Э. Воспоминания. СПб.: ИНАПРЕСС, 2000. С. 11. Ср.: «Из погибшей поэмы Ташк[ент].

И женщина с зеркальными глазами
Подростка-нищенки — властительница сцены
И королева русского модерна.

(Ахматова А. Записные книжки... С. 714). Толчком к выбору эпитета о глазах актрисы, с которой Ахматова «разминулась», может быть, стало рассуждение Юрия Юрьева: «...некрасивое ее лицо приобретало особую привлекательность благодаря ее вдумчивым, серьезным, выразительным глазам, в которых, как в зеркале, отражалась вся внутренняя жизнь Комиссаржевской» (Юрьев Ю. М.Г. Савина // Ленинград. 1946. № 1–2. С. 38).

Тринадцатого июня 1962 года, вероятно, в связи с четырьмя новыми друзьями, сочинилось:

[Но куда я отчаянье спрячу]
 О своем я уже не заплачу,
 Но не видеть бы мне на земле
 Золотую печать неудачи
 На еще безмятежном челе¹⁵.

Двадцать четвертого июня 1962 года двое, если не вся четверка, присутствовали на дне рождения Ахматовой в Комарове. «Вечером мальчики. Стихи Иосифа — не альбомные»¹⁶, — имелось в виду стихотворение «Закричат и захлопочут петухи...»¹⁷.

О некоторых последующих встречах сопричастников мы читаем в письмах Евгения Рейна к его первой жене Г.М. Наринской¹⁸, например в августе 1962 года из Ленинграда на юг:

Был я дважды у Ахматовой. Один раз очень долго — часов 6. Это было замечательно, она хорошо чувствует себя, много читала, много говорила, смеялась и все сводила на премию¹⁹. Кажется, сильно заведена Нобелевкой (как ее называет). В другой раз ездили Ося с подружкой и я²⁰. Подружка Осина — очень высока, очень

15 Ахматова А. Записные книжки... С. 234. См. воспоминание о разговоре 1963 года: «Бобышев спросил: “А.А., золотое клеймо неудачи — это о Бродском?” — “Нет! Нет. С чего вы взяли? Нет”» (Шейнина Г. С Дегтярной улицы — шагая по векам. Иерусалим: Тип. «Ной», 2015. С. 28); в письме от 4 июля 2024 года Д. Бобышев писал нам: «Шейнина упустила важную ахматовскую фразу в конце разговора. Воспроизвожу слова А.А. буквально, как запомнились: “У меня был Иосиф, он говорил, что в его стихах главное метафизика, а в Димином — совесть. Я ему ответила: ‘В стихах Дмитрия Васильевича есть нечто большее, — [это] поэзия’”».

16 Ахматова А. Записные книжки... С. 234. Ср.: «Единственное, что я про это стихотворение помню, так это то, что я его дописывал в спешке. Найман и я, мы ехали к Анне Андреевне в Комарово из Ленинграда. И нам надо было нестись на вокзал, чтобы успеть на электричку. Спешку эту я запомнил, не знаю почему» (Волкое С. Диалоги с Иосифом Бродским / Вступ. статья Я. Гордина. М.: Независимая газета, 2000. С. 250).

17 О возможных следах знакомства с корпусом стихов Ахматовой в этом «неальбомном» мадригале см.: [Тименчик 2023а: 651–652]; об объяснении, данном автором пишущему эти строки в 1971 году про один из образов стихотворения («лошадиный изумруд»), — что это он перед тем сочинял стихотворение, навеянное Заболоцким, и у него остались отходы, которые он поместил в стихи к Ахматовой, в спешке писавшиеся, см.: [Тименчик 2009а: 723].

18 О Галине Михайловне Наринской (1936–2023), встреченной у Ахматовой, см. запись в октябре 1963 года: «Постучался и вошел Бродский, а с ним черноокая девушка, сплошные ресницы, брови и кудри. Глаза живые, умные, улыбка прелестная» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. Т. 3. М.: Согласие. 1997. С. 78; по слову Ахматовой, «очень милая, умная, тонкая» (Там же. С. 81)); об одном эпизоде, связанном с ней и с ее матерью см.: «Наринская Р.Л.» [Тименчик 2018: 211]. См. также телеграмму ко дню рождения Ахматовой от 24 июня 1965 года из Ленинграда в Москву: «пьем за вас грустим без вас галия женя рейны» (ОР РНБ. Ф. 1073. № 1574).

19 Речь идет о разговоре Б.Б. Вахтина со шведским филологом Эриком Местертоном, который Ахматова поняла как сообщение об уже свершившемся выдвижении ее на Нобелевскую премию (Ахматова А. Записные книжки... С. 235; см. также: [Timenчик 1990; Тименчик 2014, 1: 260, 268; 2014, 2: 366–367].

20 «1962. 2 января. Борис Тищенко знакомит Бродского с Марией (Марианной) Павловной Басмановой (М.Б.), дочерью художников Павла Ивановича и Натальи Георги-

застенчива, ничего не делает в свои 22 года и, кажется, рисует акварели. Кажется, это уже прочная связь. Он сам сегодня уезжает с партией за Урал (Эмба) на 3 месяца. Так вот, этот визит был скучен, старушка уже устала, кроме того, она все показывала новые куски «Поэмы без героя», я уже их видел, и Оська, кажется тоже²¹.

Второе из названных здесь посещений, вероятно, состоялось 6 августа 1962 года, когда в Комарове записано: «Б. приехал»²², — и можно допустить, что речь идет о Бродском. Восьмым августа датировано командировочное удостоверение Бродского в Эмбенскую экспедицию в Северном Казахстане от Всесоюзного нефтяного научно-исследовательского геологоразведочного института [Полухина 2008: 64]²³. Девятым августа датировано ахматовское стихотворение «Последняя роза», под ним выписана строка Бродского «Вы напишете о нас наискосок»²⁴. В записи 22 августа 1962 года: «Приехали Зоя [Томашевская] и Толя [Найман]. Т[оля] сказал, что его друг уехал и просил передать мне, что он любит меня больше всего на свете. Я показала Т[оле] «Последнюю розу». Дошло»²⁵, — «дойти» должен был, я полагаю, мотив, ставший сквозным в трехлетнем стиховом и околостиховом диалоге Ахматовой с Найманом: «Господи! Ты видишь я устала / Воскресать и умирать и жить». Позже в раздраженном конспекте разговора она напишет: «...мы согласны на все, только бы не то. Я на ваше тщеславие, вы на мои разговоры о смерти»²⁶.

Процитированная запись вызвана эпизодом лета 1963 года, упомянутым А. Найманом в очерке «Великая душа» («Иосиф по приезде сказал ей: «Ничего

евны Басмановых и ученицей В. Стерлигова» [Полухина 2008: 59]. См. посвященное ей стихотворение от 2 февраля 1962 года «Я обнял эти плечи и взглянул...» (Бродский И. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. Л.В. Лосева. Т. 1. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита нова, 2011. С. 153, 466), которое Найман 9 ноября 1962 года прочел Ахматовой: «Понравилось» — отмечено в его дневнике [Тименчик 2023а: 647]. Ср. слова Ахматовой о ней в октябре 1963 года: «таких на свете нет... тоненькая... умная... и как несет свою красоту!» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой Т. 3. С. 73); тогда же Ахматова надписала: «Марине, самой красивой. 22 октября 1963 г. Будка» (Анна Ахматова 1889—1966: материалы юбилейной выставки. СПб.: NIKA, 2009. С. 17); ср. письмо Ахматовой к Найману от 21 сентября 1963 года: «...безмолвная и таинственная Марина рисует меня» (Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. Из книги «Конец первой половины XX века». М.: Художественная литература, 1989. С. 146); позднее она говорила: «С виду божественное видение, а ведет себя, как сатана» (Иванов Вяч.Вс. Встречи с Ахматовой // Знамя. 1989. № 6. С. 207).

21 The Anatoly Naiman Papers // Princeton library manuscript department. Box b-002057. Folder 14.

22 Ахматова А. Записные книжки... С. 242; в цитируемом издании инициал не раскрыты; оговорим то обстоятельство, что другие визитеры этого дня не записаны: в ахматовских блокнотах такая выборочность записи встречается.

23 Помещенная следом под датой «Август» запись из блокнота Ахматовой о «Бр.» ошибочно отнесена к Бродскому вслед за туринским изданием блокнотов (Ахматова А. Записные книжки... С. 245) — речь там шла о комаровском соседе, писателе И.Я. Бражнике.

24 Там же. С. 242. О перетекании мотива бессмертия из стихотворения «Закричат и захлопочут петухи...» в «Последнюю розу» («Мне с Морозовою класть поклоны...») см.: [Крайнева, Сажин 1989: 198].

25 Ахматова А. Записные книжки... С. 246.

26 Там же. С. 542. Из текста от 14 августа 1963 года «М.б., вместо письма». В таком виде он адресату вручен не был и стал ему известен в 1981 году, когда я скопировал для него эту страницу из ЦГАЛИ. К этому тексту Ахматова приписала для себя: «Виновата оказалась я в том, что вмешалась в чьи-то любовные дела, чего вообще никогда не следует делать. Однако, надеюсь, что это еще поправимо».

страшного, у него адюльтер, и он страдает”²⁷) и о котором рассказывал мне Бродский 6 июня 1971 года: «...она послала меня в Москву к Найману, у которого был адюльтэр, и я его вывидал». Ср. запись Ахматовой конца июня 1964 года в Комарове: «Днем на моей любимой ступеньке я узнала все массивное зданье московской сплетни. Ее автор, к сожалению, И[осиф]. Зачем это ему нужно, еще непонятно, но очень страшно. Но все концы сошлись. Я узнала все из первоисточника»²⁸.

Здесь следует сделать отступление. Можно было попробовать отделить житейские, интерперсональные ситуации от интертекстуальных притяжений, к которым мы обратимся далее, если б житейское не вторгалось в поэтические тексты. Запись от 24 сентября 1964 года: «Сегодня слушала поэму Жени Рейна “Недреманное око”»²⁹, — поэма «Глаз и треугольник» изображала историю отношений И. Бродского, Д. Бобышева и М. Басмановой и описывала роковую для этого треугольника новогоднюю ночь 1964 года:

Я на нее взглянул и на него,
мне нимб белесый показался страшен.
Они не щадили ничего,
они забили дверь за днем вчерашним.
Они венчались на измену, на
прелюбодейство, на позор и сладость³⁰.

Такое же смешение поэзии с реальностью Ахматова усмотрела в пьесе Наймана, писавшейся для театра «Современник» (потом он давал ее и в БДТ): антагонистов играл бы один актер, их жен — одна актриса. Ахматова написала ему, объясняя свою очередную холодность:

«Все дело в Вашей пьесе». Ей показалось, что пьеса содержит недолжные аллюзии: самый замысел двойничества был ею истолкован как попытка замаскировать ситуацию, имевшую отношение к ней, вернее, к тому, что она тогда писала. Нечаянно я дал к этому повод, введя в действие лицо, имевшее слишком явное сходство с человеком из ее окружения. Последовало неприятное объяснение, размолвка, потом примирение³¹.

Пьеса пока не найдена. О том, что фигуранты у Наймана могли иметь «слишком явное сходство» с друзьями, мы знаем по его последующим произведениям. Можно допустить, что «человек из окружения» мог быть и Бродским³².

-
- 27 Найман А. Великая душа. Из книги «Славный конец бесславных поколений» // Октябрь.1997. № 8. С. 14. Ср. письмо Ахматовой Найману в апреле 1964 года в больницу после его инфаркта: «Я уверена, что в 1963 г. с Вами было то же самое, а Вы проходили всю болезнь без врача» (Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой... С. 161).
- 28 Ахматова А. Записные книжки... С. 469. В цитируемом издании инициал не раскрыт.
- 29 Там же. С. 490. Машинопись поэмы в бумагах Ахматовой надписана: «...с любовью и постоянной памятью о дне, когда Вы услышали все это. Память этого дня — мой амулет. Ваш Евгений Рейн. 10 I 64» (ОР РНБ. Ф. 1073. № 1986; в дате описка — должно быть «65»).
- 30 Рейн Е. Мой лучший адресат: Стихотворения. М.: Тип. «Новости», 2005. С. 30.
- 31 Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой... С. 168.
- 32 Ср. шпильку («иголку») в посвящении «Петербургского романа»: «Но много сломанных иголок / на платье времени стубя, / хотя бы собственных знакомых / любить, как самого себя» (Бродский И. Сочинения. Т. 1. С. 68); ср.: «...обходились друг с другом

Вернемся к осени 1962 года. Поездка Бродского в Казахстан на три месяца не состоялась — уже в сентябре 1962 года в Москве Ахматова записала: «...в 3 ч. Бродский и Найман»³³. Возможно, тогда же был не записанный в блокнот Е. Рейн³⁴, который в письме Г.М. Наринской из Москвы в Ленинград 1 октября сообщал: «Был у Ахматовой. Она опять была в ударе и наговорила множество великолепных вещей».

Двадцать шестого сентября все четверо были у Давида Самойлова, и предыстория этого визита раскрывается в его записи от 23 сентября 1962 года. «Вечером — у Ахматовой (с Лидией Корнеевной). Ахм[атова]: — Когда поэт много печатается, он перестает принадлежать себе и что-то утрачивает. <...> Хвалит И. Бродского и Наташу Горбаневскую»³⁵, — разговор вертится вокруг страдающих от непечатания молодых поэтов. Двадцать шестого сентября Самойлов записывает:

Вечером. Ленинградские ребята — Бобышев, Рейн, Найман, Бродский. Бродский — настоящий талант. Зрелость его для двадцати двух лет поразительна. Читал замечательную поэму «Холмы». Простодушен и слегка безумен, как и подобает. Во всем его облике, рыжеватом, картавом, косноязычном, дергающемся, — неприспособленность к отлившимся формам общественного существования и предназначенностъ к страданию. Дай бог ему сохраниться физически, ибо помочь ему, спасти его нельзя³⁶.

Первого октября 1962 года Рейн пишет жене, что был у Самойлова, и тот даст переводы.

Хронику последующих встреч Ахматовой с Бобышевым, Бродским, Рейном еще предстоит прописать, здесь остановимся на Наймане, который познакомился с ней в 1959 году. Двадцать шестого января 1960 года ею подарен ахматовский сборник «Стихотворения» (М., 1958): «А. Найману на добный путь»; 17 апреля 1961 года — сборник из «Библиотеки советской поэзии»: «Анатолию / Найману / в долготу дней / Ахматова», осенью того года он числится в списке «Кто у меня был в больнице (окт[ябрь] — янв[арь])»³⁷. Двадцать девятого июля 1962 года на фотографии: «Анатолию Найману / в Комарове».

В книге Наймана рассказывается о начале их «сердечных» отношений. Шестого декабря 1962 года в Москве он прочитал ей только что написанную «Сентябрьскую поэму» — к ней, как мне представляется, отсылает строчка

с какой-то иронической барской вежливостью, явно соответствовавшей той смеси близости и раздраженного соперничества, которая всегда угадывалась под поверхностью их разговора» (*Верхейл К. Танец вокруг мира. Встречи с Иосифом Бродским. СПб.: Журнал «Звезда», 2002. С. 34.*).

33 Ахматова А. Записные книжки... С. 258; соседствующая фраза «Работа: для Караган<о-вой> и «Знамени»...» не имеет к хронографу Бродского [Полухина 2008: 64] отношения.

34 Второй раз подчеркнем, что ахматовские ежедневники при их обманчивой полноте и тавтологической дотошности регистрируют встречи с большими пропусками. Эта оговорка важна, предупреждая о неизбежном психологическом эффекте приравнивания незаписанного к небывшему.

35 Самойлов Д. Поденные записи: В 2 т. / Подгот. к публ. и сост. Г. Медведева, А. Давыдов, Е. Наливайко. Т. 1. М.: Время, 2002. С. 302.

36 Там же.

37 Ахматова А. Записные книжки... С. 187. Ср. письмо Найману в апреле 1964 года в больницу: «Насколько уютнее было бы, если бы в больнице была я, а Вы бы меня навещали, как когда-то в Гавани» (*Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой... С. 161.*).

в адресованном Найману «прощальном» стихотворении августа 1963 года (перед последующим примирением) «Ты верно чей-то муж...» — «И сколько в сентябре прощальных хризантем»³⁸.

Она сказала, что поэма понравилась, что ей нравится «это хождение все время по краю»... <...> ... «Густота мыслей», — не как комплимент, не как неодобрение, а как бы констатируя. <...> В конце того вечера... она рассказала, как Инна Эразмовна, ее мать, прочитав какие-то стихи Ахматовой (или даже выслушав их от нее?), неожиданно заплакала и проговорила: «Я не знаю, я вижу только, что моей дочке — плохо». «Вот и я сейчас вижу, что вам — плохо»³⁹.

«Сентябрьская поэма» представлена двумя фрагментами в позднейшем сборнике наймановского «Избранного». Пролог поэмы строится как форсированная отсылка к «Божественной комедии»:

Я заблудился в можжевеловом лесу,
Я встал над пропастью на каменном мысу,
Смотрел, как лес кудрявился, мельчился,
Как низок лес, и я в нем заблудился.

Я был повыше пролетанья птиц,
Я видел, как азисских *<sic!>* черепиц
стрижиный замысел внизу к скалам лепился, —
и все-таки в лесу я заблудился.

В широком, пивом пахнущем лесу
меня скала держала на весу,
меня качала бездна на весах:
к земле — подошвами, макушкой — в небесах.

Белейшая, как черепная кость,
Гладчайшая, как черепная кость,
Округлая скала охладевала
и мертвый череп мне напоминала.

Так вот: огромный воздух на горах,
огромным золотом земли принявший прах,
прах мелких листьев и тончайшей почвы
слетал со всех сторон и рвался в клочья...⁴⁰

38 Ахматова А. Записные книжки... С. 258. Об этой поэме в связи со стихотворением «Зов» (1 июля 1963 года) из «Полночных стихов»: «Твоя мечта — исчезновенье, / Где смерть лишь жертва тишине». «Или: В почти звучащей тишине» (Там же. С. 381), — см. письмо Наймана к пишущему эти строки от января 1972 года: «“Твоя мечта — исчезновенье” — это скорее не 7 фрагментов из незавершенной поэмы А.Н. “Исчезновение” (весна — лето 63), а его же “Сентябрьская поэма” (осень 62), в каждой из 6 глав которой герой “исчезает” и пессимистическая идея которой внушала ей беспокойство за автора» [Тименчик 2023б: 14]; см. не отправленное письмо Найману от 19 января 1966 года: «8-ого января я видела Вас в сиянии такого счастья, как будто никогда не было “Сентябрьской поэмы” и цикла “Уничтожение”» (Ахматова А. Записные книжки.... С. 696; имеется в виду «Исчезновение»).

39 Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой... С. 22—24.

40 Найман А. Незванные и избранные. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 448. В бумагах Ахматовой сохранился еще один фрагмент — «Вступление».

Этот текст навязывает слушателям, одним из которых была Ахматова, ретардирующие повторы, итерацию, рефrenы, подхваты, плеоназмы, тавтологию, многословие, хождение по кругу, «заевшую пластинку», как та, что воспета в стихотворении Евгения Рейна «Нежносмо» и выделена Бродским в предисловии к его сборнику⁴¹. В этом капризно тормозящем стиховом нарративе, в «хождении по краю», как выразилась Ахматова, ей могли видеться стрелки, указующие на ее собственные тексты, как потом, спустя два года, она усмотрела (ошибочно ли?) ответ на «Полночные стихи» в его пьесе.

Из подобного рода интертекстуальных рекогносцировок, требующих, как известно, особой деликатности, я позволил бы себе одну пробу в тексте «Вступления» из «Сентябрьской поэмы», сохраненном Ахматовой. Строки «С той, какою была когда-то / До долины Иосафата / Снова встретиться не хочу» из «Поэмы без героя» могли показаться окликнутыми у Наймана в крымском эпизоде поэмы:

Теперь узнай, как мучит тень греха,
В те дни иосафатская долина
Была пуста, недвижна и тиха
И золотом своих небес палима...

— при этом дальше идет описание города, некогда описанного и Ахматовой, города чистых водометов, золотого Бахчисарая, рифмующегося с раем (рифма напрашивалась еще у мадам Курдюковой), с его «пестрою оградой у задумчивой воды»⁴²:

Так был ли рай? Был скучный русский сад.
Был виноградник с мичманской красою.
И у поспешных каменных оград
Еще был привкус черноморской соли.
Был белый камень. Белый мавзолей
Стоял средь нищих стен Бахчисарая.
Был ветер — камня этого белей.
Теперь узнай: он мчался прочь от рая.

Долина Иосафата — еще одна дантовская перекличка (10-я песнь «Ада») и еще одна воплощенная в топонимике интертекстуальность — название караимского кладбища в Бахчисарае.

По-видимому, после этой московской встречи декабря 1962 года Найман получил предложение, о котором в его книге, как мне видится, сообщается с опиской:

С начала 1962 *<sic!>* года я стал исполнять у Ахматовой обязанности литературного секретаря. Поначалу от случая к случаю, потом регулярно. Обязанности были невеликие: ответить на второстепенное письмо, позвонить, реже съездить по кому-то делу, переписать на машинке новое или вспомненное стихотворение, отредактировать — очень внешне, главным образом скомпоновать — заметки, чаще всего мемуарные. Все это раз в несколько дней и всякий раз недолгое время⁴³.

41 Рейн Е. Против часовой стрелки / Предисл. И. Бродского. Анн-Арбор: Ардис, 1979. С. 8.

42 Ахматова А. Белая стая. СПб.: Алконост, 1922. С. 51.

43 Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой... С. 145.

Введение «в трагедию “Энума элиш” “секретаря нечеловеческой красоты”»⁴⁴ было шутливой отсылкой «для своих». Как вообще во взаимоотношениях с Найманом, Ахматова вспоминала в эти годы его предшественников во «все дни ее большой и невыносимой жизни»⁴⁵: «Я капризничала, а он ласково говорил: “Она занималась с своим секретарем и была не в духе”. Это на Тучке, когда мы смотрели “Четки”»⁴⁶, — речь о Михаиле Лозинском. Ахматовский архив носит следы секретарских занятий с Найманом, например в отделе рукописей РНБ хранится листок, на котором иностранный визитер в мае 1963 года в Ленинграде записал для памяти два имени. После его ухода Ахматова попросила разъяснить запись. «Джон Эльсворт⁴⁷ — *тот, кто был* Антони Кросс — пишет о Вас, а поэт Том Ган» (курсивом — пояснения Наймана). Я послал копию этой десятилетней давности записи А.Г. Найману, он ответил:

Том Ган становился в те годы популярен у англичан, о чем я извещал А.А., а она, видимо, спросила, не тот ли это, что пишет о ней. Кого, Эльсворта или Кросса, я подталкивал к кровати А.А., чтобы он полюбовался на Модильяни, а тот трусил, я сказать не могу, но помню, что впоследствии эта история часто рассказывалась, а тип назывался «красавец баронет» или «красавец из Оксфорда» (вар. Кембриджа).

Том Ган (Thom Gunn, 1929—2004) — английский поэт, живший в США, стихи его соседствовали с переводами ахматовских в журнале «The Paris Review» в 1961 году; его имя поминалось в СССР часто в связи с тем, что он был из немногих поэтов, писавших на английском в рифму. Эпизод с портретом работы Модильяни произошел с Энтони Гленом Кросом, учеником В. Сечкарева и Н.Е. Андреева, тогда студентом, впоследствии профессором Кембриджского университета, членом Британской академии, который появился у Ахматовой 26 июня 1963 года и в ту пору предполагал характеризовать сборник «Четки» к его 50-летию, — этот эпизод описан Найманом⁴⁸.

И с декабрьского вечера 1962 года между Ахматовой и Найманом устанавливается некий стихообмен⁴⁹, иногда только мнящийся участникам стихового разговора⁵⁰. Двадцатого февраля 1963 года в Москве на обороте фотографии ему начертано: «For nothing can be ill, if she be well», — слова Ромео перед раз-

44 Там же. С. 107.

45 Бродский И. Стихотворения и поэмы. Т. 2. С. 237.

46 Ахматова А. Записные книжки... С. 702.

47 Славист, профессор Манчестерского университета, автор двух монографий о символизме. «6 мая 1963. Сегодня приходил англичанин из Кембриджа Джон Эльсворт...» (Ахматова А. Записные книжки... С. 321); по свидетельству Дж. Элсворта, разговор, в частности, шел о Вяч. Иванове и М. Кузмине.

48 Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой... С. 162—163.

49 Ср. один из эпизодов его: «...после... резкого спора об одном четверостишии из “Пролога” она взяла ластик и стерла в тетрадке написанные карандашом строчки» (Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой... С. 213); «В ее отношении к собственным стихам не было и тени фетишизма. Однажды, увидев, что сочиненное ею четверостишие ранит близкого человека, она попросту стерла его резинкой — и стихов не стало» (Найман А. Какая есть. The Anatoly Naiman Papers // Princeton library manuscript department. Л. 30); мне Найман рассказал об уничтоженном четверостишии, что там было что-то вроде «змееныш» и «точиш жало».

50 См., например, записку Ахматовой на листке, вырванном из блокнота: «Я хочу уйти из Вашей жизни, как ушла из Ваших стихов. ~~а~~» (The Anatoly Naiman Papers // Princeton library manuscript department. Box b-002056, Folder 15).

вязкой трагедии («Ромео и Джульетта», акт 5, сцена 2) в переводе Т. Щепкиной-Куперник: «Здорова ли моя Джульетта? Если / Ей хорошо, дурного быть не может!»⁵¹ (Продолжение шекспировского диалога на тему приближающейся смерти последовало 21 января 1964 года: «А.Г. Н. / I'll give thee / To play till dooms-day...»⁵², — на книге 1958 года «Корейская классическая поэзия. Перевод Анны Ахматовой»). Инскрипты делаются на манер своего рода флирта цитат — 11 октября 1964 года на фотографии:

Не разлучайся, пока ты жив,
Ни ради дела, ни для игры.
Любовь не стерпит, не отомстив,
Любовь отымет свои дары.

(З. Гиппиус)⁵³

Второго марта 1963 года Ахматова записывает:

Еще о Поэме

Х.У. (икс-игрек) сказал *сегодня*, что для Поэмы всего характернее следующее: еще *первая* строка строфы вызывает, скажем, изумление, *вторая* — желание спорить, *третья* — куда-то завлекает, *четвертая* — пугает, *пятая* — глубоко умиляет, а *шестая* — дарит последний покой или сладостное удовлетворение — читатель меньше всего ждет, что в следующей строфе для него уготовано опять все только что перечисленное. Такого о Поэме я еще не слыхала⁵⁴. Это открывает какую-то новую ее сторону.

*2 марта 1963. Ленинград после Москвы*⁵⁵

-
- 51 Английское издание этой трагедии с надписью «А тот, кто мне только казался» как адресату процитированной «Предвесенней элегии» Ахматова надписала Найману 16 июля 1963 года.
- 52 Слова Клеопатры служанке перед самоубийством из «Антония и Клеопатры»: «I'll give thee leave / To play till doomsday», — в переводе Бориса Пастернака: «А там гуляй хоть до скончанья века». Ср.: «[I give you leave to play till Doomsday] A. (Проверить) I'll give thee To play till dooms — day... (Антоний и Клеопатра — надписала на корейской книге)» (Ахматова А. Записные книжки... С. 428).
- 53 Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой... С. 97. В источнике у Зинаиды Гиппиус: «Ни ради горя, ни для игры». Здесь, кстати, будет уместно заметить, что в цитируемой книге, основополагающей для изучения заглавной героини, содержатся мелкие неточности, нуждающиеся быть оговоренными в комментированных переизданиях этого лучшего наймановского сочинения и литературного памятника второй половины XX века, например до 50-летней даты выхода «Белой стаи» (1967) Ахматова не дожила (Там же. С. 6); Будкой не называли хатку под Одессой, где она родилась (Там же. С. 7); генерал флота Евгений Иванович Аренс (1856—1931) не был бароном (Там же. С. 77); Артур Лурье не уехал в Париж с Ольгой Судейкиной (Там же. С. 80); найденная ею цитата в «Гамлете» не относится к словам Клавдия о клевете и не отсылает к изобретению пороха (Там же. С. 103) и т.д.
- 54 Трудно избежать искушения сравнить с этим наблюдения Юрия Иваска: «В первом и втором стихе широкая невская волна подымает на гребень, а далее, в третьем, рывком ударяет о гранитный берег. Поиграет и больно ушибет... Так часто бывает на верхах искусства: оно радует и ранит» (Иваск Ю. Похвала русской поэзии / Сост. У. Шульц; [предисл. Д. Бобышева]. Таллинн: Александра, 2002. С. 147).
- 55 Без раскрытия имени Икса-Игрека [Тименчик 1984: 74—75]; с несколько иными эдакционными решениями: «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: Материалы к творческой

Десятого марта 1963 года, в день сочинения «Предвесенней элегии»⁵⁶, Найману было подарено с дедикацией «Ан.Н.» ранее написанное стихотворение, под которым теперь проставлена была дата «1963»:

Что нам разлука? Лихая забава.
Беды скучают без нас.
Спяну ли ввалится в горницу слава,
Бьет ли тринадцатый час.
Или забыты, забиты, за... кто там
Так научился стучать?..
Вот и идти мне обратно к воротам
Новое горе встречать...

Анна Ахматова⁵⁷

Бродский, который, вероятно, увидел этот оттиск, приветствовал феномен стихообмена. «...Он, между прочим, сказал: “за ... Кто там”, — это она у нас научилась, да? У молодых”»⁵⁸.

Год спустя Ахматова вернулась к записи от 2 марта 1963 года и продолжила ее:

Значит, еще до 10-го марта в Комарове, когда возникла одна Элегия. Вообще все, что этот человек говорит о моих стихах, никакого не похоже на то, что о них говорили или писали (на многих языках) в течение полувека. Ему как будто дано слышать их во сне или видеть в каком-то заколдованным зеркале.
Про отдельные стихи он знает то, чего не знает никто, и я всегда боюсь читать ему новое. Он никогда (ни разу) не задал мне ни одного вопроса о моих стихах или обстоятельствах, с которыми они связаны, — об их месте в моей жизни. В его отношении есть что-то суровое и сдержанно-целомудренное⁵⁹.
Это так не похоже на все остальное, с чем приходится бороться почти каждый день...
Москва, ул. Мира. 1964⁶⁰.

истории / Изд. подгот. Н.И. Крайнева; под ред. Н.И. Крайневой, О.Д. Филатовой. СПб.: Миръ. 2009. С. 1072. Ср.: «А все тот же таинственный голос почти из будущего говорящий, как подобает о стихах (из-за поворота) объясняет: «Если перв[ая] строка...» (Ахматова А. Записные книжки... С. 451).

56 См. в письме Наймана к нам: «адресат “Полночных стихов” был оповещен о том, что он — адресат, числа этак 12 марта 63 года» [Гименчик 2023б: 14].

57 На оттиске из журнала «Новый мир» (1963. № 1. С. 54–56) с подборкой «Анна Ахматова. Из новых стихов», в которую входили стихотворения «Родная земля», «Последняя роза» с эпиграфом из «И.Б.», «Царскосельская ода»; надпись на оттиске: «Анатолию Найману / под заповедным кедром / в Комарове / Ахматова» (The Anatoly Naiman Papers // Princeton library manuscript department. Box B-002062. Folder 31); с разноточениями и заглавием «Из ненеоконченных монологов»: «Кон[чено] 10 дек[абря] 1959]. Кр[асная] Кон[ница]» (Ахматова А. Записные книжки... С. 34).

58 Найман продолжил в скобках: «Я не ответил “Да”, во-первых, потому что надо было вперед самому это почувствовать, а во-вторых, оказывается, правильно сделал, потому что вскоре выяснилось, что стихи были написаны тремя годами раньше, до ее знакомства с нами, то есть, возможно, он был прав про “молодых”, но не про “нас”» (Найман А. Великая душа // Октябрь. 1997. № 8. С. 9).

59 В публикации Н.И. Крайневой: «одержимо-целомудренное» («Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова... С. 1072).

60 Решительно безосновательно этот пассаж переадресован Г.В. Глёкину [Гончарова 2023: 94].

В том же году Найман изложил на бумаге свои наблюдения над «Поэмой без героя» (см. приложение, где они впервые публикуются)⁶¹, и это эссе выступает как текст-спутник, текст-резонатор ахматовского корпуса⁶². Юный поэт разными путями приближался к ахматовскому поэтическому универсуму.

Все, что нам пригодится на годы вперед,
можно выбрать из груды ненужного хлама.
Мне об этом с усмешкой в тот траурный год
говорила прекрасная старая дама⁶³.

Среди образцов словесности, которым присягала Ахматова, был и один пункт из школьной программы. Посетительница вспоминала о 1964 году: «А.А. прошла из “Слова о полку Игореве”, плач Ярославны — большой кусок»⁶⁴. В согласии с этим выбором Найман вписывает по приглашению Ахматовой в ее блокнот:

Когда и земля тебя не защитит,
А громкий твой щит и подавно,
Услышишь ты, как над Путивлем кричит
И стонет твоя Ярославна.
А твой обреченный услышит народ,
В ночи хоронясь средь болотца,
Как где-то слеза за слезою течет
На черную воду колодца.
И ты, обернувшись к белой луне,
Поймешь, что досталось немало
И другу, и брату, и всем — но жене
Всех больше, коль вспомнить с начала.

22.2.63⁶⁵

В наймановском эссе о «Поэме» транслировались афоризмы Ахматовой, высказывавшиеся перед многими, например перед Александром Кушнером:

-
- 61 Экземпляр был мне подарен перепечатавшей этот текст невесткой Ахматовой Х.В. Горенко. На нем надпись: «Дорогой Ханне Вульфовне с сердечной благодарностью за бесконечную ее доброту. 18 фев. 65. А. Найман». Когда я раз в жизни беседовал с Ахматовой в июле 1965 года, она дала мне прочитать эти страницы, спросила: «Нравится?», я сказал: «Очень», она сказала: «Всем нравится, а печатать никто не хочет».
- 62 Это не единственный прижизненный текст Наймана об Ахматовой. См., например, запись собеседника 3 апреля 1964 года: «Найман написал для радио очень хорошую статью об Анне Андр.» (Глёкин Г. Что мне дано было... Об Анне Ахматовой / Сост., подгот. текста, вступ. статья, comment. Н.Г. Гончаровой. М.: Азбуковник, 2015. С. 236); спр.: «В библиографию. 1965 <...> ? марта — Moscow News (Найман)» (Ахматова А. Записные книжки... С. 578).
- 63 Найман А. Хоть картина недавняя, лак уже слез... (1969) // Памяти Анны Ахматовой... С. 206.
- 64 Любимова А.В. «Дорога не скажу куда...». Дневниковые записи о встречах с А.А. Ахматовой 1944–1965 гг. СПб.: Агат, 2004. С. 51. Читатели видели у Ахматовой отголоски этого плача, например: «И с головки твоей золотистой / Я кровавые смою следы».
- 65 Ахматова А. Записные книжки... С. 311.

Однажды я пришел к поэту,
Ее давно меж нами нету,
Я записал потом беседу.
Она спросила, например:
— Что важно выбрать для поэмы,
Помимо смысла, кроме темы,
Что кое-как умеем все мы? —
И важно молвила: — Размер!
Чтоб не боялся он простора,
Чтоб не наскучил слишком скоро,
Подобье мощного мотора
Иль махового колеса⁶⁶.

В этой теме у Наймана — почти буквальный повтор ахматовских примеров:

Интонация «Онегина» — была [гибельна] смертельна для русской поэмы. Начиная с «Бала» Баратынского до «Возмездия» Блока, «Онегин» систематически губил русскую поэму (хороша только доонегинская...). Потому и прекрасен «Мороз, Красный нос», что там «Онегин» и не почевал. Следующий за Некрасовым был прямо Маяковский и «Двенадцать» Блока⁶⁷.

Отголосок личных ахматовских табу и размежеваний можно увидеть в преувеличенно лояльном к ней заявлении молодого критика: «Несылаюсь на поэмы Хлебникова из-за малой компетенции в этой области и на поэмы Есенина и Заболоцкого — по причинам, о которых в этих заметках упоминать нет желания» (наст. номер, с. 245)⁶⁸. Или — в оценке «Спекторского» Пастернака как провала⁶⁹.

В этом тексте-спутнике происходит подключение к ресурсам ахматовской тайнописи. Введение написанного строфой «Поэмы» фрагмента о запретной любви «Чтоб посланец давнего века, / Что сошел с полотна Эль-Греко» в состав «Полночных стихов», повернутых в первом своем слое к Найману, сделало это шестистишие изображением адресата цикла (десять лет спустя, уже после смерти Ахматовой, он напишет стихотворение «Автопортрет» со строками:

Еще пергамент щек,
и в синих тенях века,
и сладкий запашок
в сухих ноздрях Эль Греко.

(цит. по: [Тименчик 2023б: 13]⁷⁰)

66 Кушнер А. Стихотворения. Л.: Художественная литература, 1986. С. 256.

67 Ахматова А. Записные книжки... С. 282—283.

68 О разнообразных взаимоотношениях с наследием Хлебникова см.: [Тименчик 2021б]; о скорее холодном отношении Ахматовой к Н.А. Заболоцкому см.: [Тименчик 2009а: 58—59; 2014, 2: 170—171]; о Есенине я в 1965 году услышал от Ахматовой: «Есенин... Плохой поэт. Вот Клоев — его сейчас за границей очень читают».

69 Ср. записанные Томасом Венцлова слова Ахматовой: «От “Спекторского” все тоже очень много ожидали, а как только там начинаются диалоги, сразу видно, что неудачная вещь» (Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова / Сост., comment. О.Е. Рубинчик. СПб.: Невский диалект, 2001. С. 84, 87).

70 «1 вар[иант:] Чтоб [его да из] посланец давнего века, / Что сошел с полотна Эль Греко. 2 вар[иант:] Чтоб посланец давнего века / Из заветнейших снов Эль Греко...»

А перемещение этой строфы летом 1963 года в «Решку» поселило прототипа героя «Полночных стихов» в корпус «Поэмы без героя». Найман пишет, возвращаясь к «разговорам о смерти» и возвращаясь в круг натурщиков персонажей поэмы: «Страшно становится, когда выясняется, что может прийти Гость из Будущего. В «Решке» кто-то похожий на него, встретится с автором уже как с отлетевшей тенью, и, окажется, что во всё это время автор и сам был по ту сторону смерти...» (наст. номер, с. 243).

Наконец, в очерке «О «Поэме без героя» Ахматовой» автор, как представляется, намекает на преемственность свою и своих сотоварищей от заглавной героини: «То, что у Поэмы «нет родословной», утверждает сама Поэма, а то, что она стоит у истоков какого-то потомства, находит некоторые подтверждения уже сейчас, а каково оно — покажет будущее» (наст. номер, с. 245).

Такая претензия ставит вопрос, который в рабочем порядке должен решить для себя историограф этого, как и любого другого, объединения поэтов: эти «все четверо»⁷¹ — кружок — или школа, товарищество — или поэтическое направление.

Слово «школа», судя по воспоминаниям Томаса Венцлова, употребляла сама Ахматова. ««Поэты круга Бродского — одна школа, как были когда-то мы, акмеисты. Технический уровень у них у всех необычайно высок. Почти нет плохих стихов», — часто говорила она»⁷².

Произнесенная здесь историческая аналогия⁷³ во многом определяла литературное самосознание по меньшей мере половины четверки — при этом, как мы помним по признаниям Иосифа Бродского, ему скорее импонировала аналогия с поэтами русского золотого века.

Действительно, в свое время в Ленинграде возникла группа, по многим признакам похожая на пушкинскую «плеяду». То есть примерно то же число лиц, есть признанный глава, признанный ленивец, признанный остроумец. Каждый из нас повторял какую-то роль. Рейн был Пушкиным, Дельвигом, я думаю, скорее всего, был Бобышев. Найман с его едким остроумием был Вяземским. Я со своей меланхолией, видимо, играл роль Баратынского⁷⁴.

Антон Дельвиг, как можно было бы заподозрить, в силу высказанного нами выше напоминания о реторедактуре, возник здесь как ярлык сравнительной литературной малости. Поскольку мы крейсируем вокруг темы «литучебы» молодых у Ахматовой, здесь уместно привести свидетельство поэтессы Нины Королевой: «Мой муж А.С. Штейнберг однажды сказал что-то нелестное о Дель-

(Ахматова А. Записные книжки... С. 539—540); о строфе об Эль Греко и ее вариантах см.: «Я не такой тебя когда-то знала...» Анна Ахматова... С. 580—581, 608, 625, 855—857, 932; о присутствии Эль-Греко в «Поэме без героя»: [Рубинчик 2010: 135—143, 146—154].

⁷¹ Бобышев Д. Траурные октавы. С. 202.

⁷² Анна Ахматова: последние годы... С. 89.

⁷³ Ср.: «Мы часто спорили с ней о стихах Бродского, и ее последним доводом всегда было: «Я тоже что-то понимаю в этом...» А я отвечала про старуху и проруху. <...> В эти годы у Анны Андреевны появилась иллюзия, что это опять как в молодости, как в дни становления акмеизма и Академии стиха: «Без стихов на выстрел пущечный / К вам никто не подойдет...»» (Мандельштам Н. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. «Воспоминания» и другие произведения (1958—1967) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер и Ю.Л. Фрейдин. Екатеринбург: Гонзо, 2014. С. 600—601).

⁷⁴ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. С. 229.

виге, — что, мол, Дельвиг слабый поэт. Анна Андреевна посмотрела на него свирепо и отрезала: “Дельвиг хороший поэт!”»⁷⁵.

Именно примером акмеизма воспользовалась Лидия Гинзбург, предлагая методику распознавания литературной школы в статье, можно не сомневаться, которая была хорошо знакома Ахматовой:

...судьба акмеистов. Гумилев, Ахматова, Мандельштам, Городецкий необыкновенно разные писатели; их новаторство по отношению к учителям-символистам также могло вызвать сомнения, — между тем они образовали подлинную школу, потому что им удалось внушить читателю определенный способ усвоения своих произведений. Наряду с самоотмежеванием и самоопределением, существеннейшим признаком школы является способность к внушению собственной точки зрения. Это тот же процесс, но только с той его стороны, которая повернута к читателю. Школа учит, как надо читать, дает ключ к тексту. Акмеисты утверждали, что в их стихах слова не теряют своего вещественного значения. Это утверждение одновременно размежевывало их с символистами и генерализовало их разнокачественную продукцию. И хотя словарь Гумилева был удивительно мало веществен и в точности похож на словарь символистов, но он воспринимался иначе. <...> Это и означает, что акмеистам в какой-то мере удалась школа [Гинзбург 1929: 92–93].

Если мы с этой точки зрения посмотрим на околоахматовскую четверку, то увидим, что и они предлагали читателю «установку», ключ к чтению себя. Найман: «Ахматова однажды назвала нас “аввакумовцами” — за нежелание идти ни на какие уступки ради возможности опубликовать стихи и получить признание Союза писателей. Напечататься мы в самом деле хотели, но, во-первых, не во что бы то ни стало...»⁷⁶ Слово «аввакумовцы» возникает в набросках речи о Данте в октябре 1965 года: «...пусть тень [Данте] с орлиным профилем указает путь нашим юным поэтам (аввакумовцам)»⁷⁷.

Вручение имени было закреплено дарением Найману книги «Житие проповедника Аввакума» (ранее, 12 января 1962 года, поднесенной Ахматовой составителем этого издания Н.К. Гудзием). Найман же в письме к Ахматовой в Боткинскую больницу на излете декабря 1965 года использует подарок и подкрепляет прозвище:

Год кончается и наступает 66 (да еще 9 перевернутая 6). А в 1666 жил Аввакум. Год был какой-то ужасный — затмение солнца, чума, голод, и всё валили на Ни-

75 Королёва Н. Встречи в пути. Воспоминания. СПб.: Журнал «Звезда», 2010. С. 330. Сей полемический ход уже отрабатывался в истории поэтических группировок: «В стихотворном цикле “После грозы” Мариенгоф сравнил свою дружбу с Есениным с отношениями Пушкина и Дельвига, словно невзначай предлагая самому читателю судить, кому в этом непростом сплетении творческих судеб выпала роль Пушкина, а кому — Дельвига» [Марков 2017: 225].

76 Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой... С. 73; ср.: «Волков: Правда ли, что Ахматова всех вас называла “аввакумовцами”? Бродский: Из ее уст я этого не помню» (Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. С. 227). Действительно, все четверо делали попытки издать свои стихи: Бобышева даже напечатали в журнале «Юность» в 1964 году, хотя и обкорнали его стихотворение «Русская речь».

77 Ахматова А. Записные книжки... С. 679. Что вдруг в черновик юбилейной речи о Данте попало напутствие аввакумовцам, может быть, отчасти объясняется размноженной в «Сентябрьской поэзии» отсылкой к зачину «Ада».

кона. Аввакум был, конечно, ожесточенный человек, но как он сказал, кончив описание мук, принятых от воеводы Пашкова! «Десять лет он меня мучил или я его — не знаю, Бог разберет в день века»⁷⁸.

Ключ к чтению предлагался следующий: стихи, каких не печатают. Именно их аввакумовцы хотели бы напечатать. Речь идет о системе мелких, трудно формулируемых отличий от усредненного стандарта советской поэзии. Ныне эту систему предстоит реконструировать исторической поэтике, которая должна показать, чем «новая вещественность» четырех ленинградцев отличалась от предметного мира советской поэзии, какая-нибудь котельная Бобышева, одобренная Найманом⁷⁹, или «наливной земснаряд» Рейна⁸⁰. В 1960-е годы разницу двух поэтов понимал любой редактор и любой руководитель ЛИТО. Понимала ее и Ахматова — по воспоминаниям молодого московского поэта: «О Слуцком. Когда напечатали его стихотворение “Бог ехал в пяти машинах” (осень 1962 года) удивленно произнесла: “Раньше оно казалось значительным. Есть, очевидно, стихи, которые так и должны оставаться рукописными — по-думала и добавила — запретными”»⁸¹.

С этими непечатными, рукописными, «запретными» в разных отношениях стихами юных поэтов (слово «запретный» вообще веяло над поэтическим диалогом с Найманом — «Запретная роза» названо послание к нему) Ахматова вступала в своего рода взаимный стихообмен. Диалог молодой Ахматовой и цеховиков 1911—1914 годов (к которым отсыпала ее аналогия⁸²) уже начат изучением⁸³, диалог ее и «волшебного хора» 1962—1966 годов⁸⁴ — на очере-

78 ОР РНБ. Ф. 1073. № 913.

79 См.: «...готику сводов и шпилей / видел в полете пчел, / лебедя — в зеве котельной...» (Найман А. Незванные и избранные. С. 267); «До чего же она неказистая, / дверь в котельню и та же стена,/ но так жарко, так, Господи, истово / и сиротски так освещена...» (Бобышев Д. Зияния. Париж: YMCA-Press, 1979. С. 53), где слышен отзов ахматовского «И тихо, так Господи тихо, / Что слышно, как время идет» — как один из многочисленных примеров стихообмена.

80 Рейн Е. Избранное. М.: Третья волна, 1993. С. 97—98.

81 Ландман М. Экспресс времен: Стихи. Воспоминания. Друзья — о Михаиле Ландмане. Иерусалим: Волшебный фонарь, 2024. С. 119.

82 Чтобы взять пример посвежее, в отличие от намеренных перекличек у Ахматовой, Гумилева, Мандельштама, см., скажем, финал стихотворения «Черный рыцарь», посвященного Н. Гумилеву: «И шепнул мне ветер: умри» (Русская мольва. 1912. 25 декабря; Арельский Г. Летейский брег. (1910—1913). Стихи. СПб.: Цех поэтов, 1913. С. 30), и в ахматовской «Песне последней встречи» (1911): «Междур кленов шепот осенний / Попросил: “Со мною умри!”». И наоборот, заимствованная рифмопара в ахматовском «Широко распахнуты ворота...» из «Джордано Бруно» Грааля Арельского: «На иконах блещет позолота, / Замирают тихие псалмы; / Но зовут открытые ворота, / Сумеречно алые холмы».

83 См. о связи мотивики и риторики Ахматовой с продукцией цеховиков и полуцеховиков (например, «Ипполита» Василия Гиппиуса или «Феодоры» Н.Н. Пунина): [Тименчик 2022].

84 Ср.: «А.А. много и с любовью рассказывала о новом поколении русских поэтов, о тех мальчиках, которые пишут “в стол”, т.е. которых не печатают, и утверждала, что это великий век русских поэзии.

— Что же это, Анна Андреевна, второй Серебряный век? — спрашивала я.

— О нет, это — золотой век русской поэзии. Куда нам было до них.

Эти представители новой русской поэзии приходили к ней со своими подругами, читали ей стихи и выслушивали ее замечания» (Н-ко Н. [Клебанова Е.М.] Мои встречи с А. Ахматовой // Новое русское слово. 1966. № 19361. 13 марта. С. 8).

ди⁸⁵. Подобный диалог строился на презумпции равенства поэтов, независимо от их маститости. Одному из четверки этот урок эгалитаризма был преподан в выразительном жесте в Боткинской больнице в декабре 1965 года, когда он передал свой мадригал.

Анна Андреевна прочитала стихи. «Благодарю вас, я положу их в свою папку». <...> Там есть стихи Гумилева, Блока, Клюева, Мандельштама, Недоброво, Пастернака, Кузмина, Хлебникова, т.е. классиков. Там есть стихи известных поэтов — Асеева, Спасского, есть стихи моих старых друзей Бродского, Наймана, Бобышева⁸⁶.

Идея «товарищества поэтов» окрашивала ахматовские стихотворения 1910-х годов: «Все плачущие не равны ль перед богом?» Представление о союзе и «соАвторстве» всех поэтов было одним из уроков, усвоенных Ахматовой в наследии ее литературного учителя Иннокентия Анненского, и воплотилось в ее творческой практике, в «диалогичной» лирике, о которой говорил Николай Недоброво:

Как ты звучишь в ответ на все сердца,
Ты душами, раскрывши души, дышишь,
Ты в приближеныи каждого лица
В своей крови свирелей пенье слышишь

(см.: [Тименчик 1989: 17—18]).

Библиография / References

- [Гинзбург 1929] — Гинзбург Л. Опыт философской лирики (Веневитинов) // Пoэтика. Сборник статей. [Вып.] 5. Л.: Академия, 1929. С. 72—104.
- (Ginzburg L. Opyt filosofskoy liriki (Venevitinov) // Poetika. Sbornik statey. [Iss.] 5. Leningrad, 1929. P. 72—104.)
- [Гончарова 2023] — Гончарова Н. Проза Анны Ахматовой: путь к мистерии. М.: Водолей, 2023.
- (Goncharova N. Proza Anny Akhmatovoy: Put' k misterii. Moscow, 2023.)
- [Кормилов 2023] — Кормилов С.И. Ахматова и ахматовское в стихах Иосифа Бродского 1962 года о смерти и вечности // И.А. Бродский: pro et contra: Антология: В 2 т. / Сост. О.В. Богдановой, А.Г. Степанова; предисл. А.Г. Степанова. Т. 2. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2023. С. 672—691.
- (Kormilov S.I. Akhmatova i akhmatovskoye v stikhakh Iosifa Brodskogo 1962 goda o smerti i vechnosti // I.A. Brodskiy: za i protiv: Antologiya: In 2 vols. / Ed. by O.V. Bogdanova, A.G. Stepanov. Vol. 2. Saint Petersburg, 2023. P. 672—691.)
- [Крайнева, Сажин 1989] — Крайнева Н.И., Сажин В.Н. Из поэтической переписки А.А. Ахматовой // Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы: Сб. науч. трудов / Науч. ред. В.Н. Сажин. Л.: ГПБ, 1989. С. 191—202.
- (Krayneva N.I., Sazhin V.N. Iz poeticheskoy perepiski A.A. Akhmatovoy // Problemy istochnikovedcheskogo izucheniya istorii russkoy i sovetskoy literatury: Sb. nauch. trudov / Sci.

85 О диалоге И. Бродского с Ахматовой см. уже, например: [Кормилов 2023; Павлова 2017; Ранчин 2001: 8, 41, 100, 215—216].

86 Рейн Е.Б. Мне скучно без Довлатова... С. 75.

- ed. by V.N. Sazhin. Leningrad, 1989. P. 191—202.)
- [Марков 2017] — Марков В. Очерт истории русского имажинизма. (1919—1927) / Сост., предисл. и пер. с англ. С. Швабрина при уч. автора. М.; Екатеринбург: Кабинетный учений, 2017.
- (Markov V. Ocherk istorii russkogo imazhinizma. (1919—1927). Moscow; Ekaterinburg, 2017.)
- [Морев 2024] — Морев Г. Иосиф Бродский: пути литературной легитимации (1962—1965). Из книги «Иосиф Бродский: годы в СССР. 1940—1972» // Новое литературное обозрение. 2024. № 190. С. 165—191.
- (Morev G. Iosif Brodskiy: Puti literaturnoy legitimatsii (1962—1965). Iz knigi "Iosif Brodskiy: Gody v SSSR. 1940—1972" // Novoe literaturnoe obozrenie. 2024. No. 190. P. 165—191.)
- [Павлова 2017] — Павлова Л.В. Лошадиный изумруд Иосифа Бродского (интерпретация данных «Гипертекстового поиска слов-спутников в авторских текстах») // Поэтика Иосифа Бродского: разнообразие методологий: Материалы международной науч. конф., посв. 75-летию со дня рождения И.А. Бродского. Смоленск: Святок, 2017. С. 92—102.
- (Pavlova L.V. Loshadiniy izumrud Iosifa Brodskogo (Interpretsiya dannykh "Gipertekstovogo poiska slov-sputnikov v avtorskikh tekstakh") // Poetika Iosifa Brodskogo: Raznoobrazie metodologiy: Materialy mezhdunar. nauch. konf., posv. 75-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Brodskogo. Smolensk, 2017. P. 92—102.)
- [Полухина 2008] — Полухина В. Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха. СПб.: Журнал «Звезда», 2008.
- (Polukhina V. Iosif Brodskiy. Zhizn', trudy, epokha. Saint Petersburg, 2008.)
- [Ранчин 2001] — Ранчин А. «На пиру Мнемозины». Интертексты Бродского. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- (Ranchin A. "Na piru Mnemoziny". Interteksty Brodskogo. Moscow, 2001.)
- [Рубинчик 2010] — Рубинчик О. «Если бы я была живописцем...»: изобразительное искусство в творческой мастерской Анны Ахматовой. СПб.: Серебряный век, 2010.
- (Rubinichik O. "Esli by ya byl khudozhnikom...": Izobrazitel'noe iskusstvo v tvorcheskoy masterstvoi Anny Akhmatovoy. Saint Petersburg, 2010.)
- [Тименчик 1984] — Тименчик Р. Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43. №. 1. С. 65—76.
- (Timenichik R. Neopublikovannye prozaicheskie zametki Anny Akhmatovoy // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i jazyka. 1984. Vol. 43. No. 1. P. 65—76.)
- [Тименчик 1989] — Тименчик Р. Заметки о «Поэме без героя» // Ахматова А. Поэма без героя / Сост. Р.Д. Тименчика при уч. В.Я. Морддерер. М.: МПИ, 1989. С. 3—25.
- (Timenichik R. Zametki o "Poeme bez geroya" // Akhmatova A. Poema bez geroya / Comp. by R.D. Timenichik, with a part. of V.Ya. Mordderer. Moscow, 1989. P. 3—25.)
- [Тименчик 2006] — Тименчик Р. Из Именного указателя к Записным книжкам Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 4. Симферополь: Крымский архив, 2006. С. 142—180.
- (Timenichik R. Iz imennogo ukazatelya k Zapisnym knizhkam Akhmatovoy // Anna Akhmatova: Epokha, sud'ba, tvorchestvo: Krymskiy Akhmatovskiy nauch. sb. Vol. 4. Simferopol', 2006. P. 142—180.)
- [Тименчик 2009а] — Тименчик Р. Трилистник юбилейный с субботним приложением // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / Сост. Вс. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 710—728.
- (Timenichik R. Trilistnik yubileynyy s subbotnim prilozheniem // Na rubezhe dvukh stoletiy: Sbornik v chest' 60-letiya Aleksandra Vasili'yevicha Lavrova / Comp. by Vs. Bagno, J. Malmstad, M. Malikova. Moscow, 2009. P. 710—728.)
- [Тименчик 2009б] — Тименчик Р. Из Именного указателя к Записным книжкам Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 7: К 120-летию со дня рождения поэта. Симферополь: Бизнес-информ, 2009. С. 37—82.
- (Timenichik R. Iz imennogo ukazatelya k Zapisnym knizhkam Akhmatovoy // Anna Akhmatova: Epokhi, sud'ba, tvorchestvo: Krymskiy Akhmatovskiy nauch. sb. Vol. 7: K 120-letiyu so dnya rozhdeniya poeta. Simferopol, 2009. P. 37—82.)
- [Тименчик 2010] — Тименчик Р.Д. Из Именного указателя к записным книжкам Ахматовой // Russica Romana. 2010. Vol. XVII. P. 203—224.
- (Timenichik R.D. Iz imennogo ukazatelya k zapisnym knizhkam Akhmatovoy // Russica Romana. 2010. Vol. XVII. P. 203—224.)
- [Тименчик 2014] — Тименчик Р. Последний поэт: Анна Ахматова в 60-е годы. 2-е изд., испр. и расщ.: В 2 т. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2014.

- (*Timenchik R. Posledniy poet: Anna Akhmatova v 60-e gody. 2nd ed., rev. and add.: In 2 vols. Moscow; Jerusalem, 2014.*)
- [Тименчик 2018] — *Timenchik R. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge). Bd. 6 / Hrsg. von S.M. Neverkla, F.B. Poljakov. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. С. 207—235.*
- (*Timenchik R. Iz Imennogo ukazatelya k "Zapisnym knizhkam" Akhmatovoy // Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge). Vol. 6 / Ed. by S.M. Neverkla, F.B. Polyakov. Wiesbaden, 2018. P. 207—235.*)
- [Тименчик 2021a] — *Timenchik R. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Летняя школа по русской литературе. 2021. Т. 17. № 1. С. 107—128.*
- (*Timenchik R. Iz imennogo ukazatelya k "Zapisnym knizhkam" Akhmatovoy // Letnyaya shkola po russkoy literature. 2021. Vol. 17. No. 1. P. 107—128.*)
- [Тименчик 2021б] — *Timenchik R. Из Именного указателя к Записным книжкам Анны Ахматовой (Велимир I) // Зборник Матице српске за славистику. 2021. Бр. 100. С. 623—644.*
- (*Timenchik R. Iz Imennogo ukazatelya k Zapisnym knizhkam Anny Akhmatovoy (Velimir I) // Zbornik Matitse srpske za slavistiku. 2021. Vol. 100. P. 17—38.*)
- [Тименчик 2022] — Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Цех поэтов // Летняя школа по русской литературе. 2022. Т. 18. № 2. С. 157—206.
- (*Timenchik R. Iz imennogo ukazatelya k "Zapisnym knizhkam" Akhmatovoy // Letnyaya shkola po russkoy literature. 2022. Vol. 18. No. 2. P. 157—206.*)
- [Тименчик 2023a] — *Timenchik R. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // И.А. Бродский: pro et contra: Антология: В 2 т. / Сост. О.В. Богдановой, А.Г. Степанова; предисл. А.Г. Степанова. Т. 2. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2023. С. 641—671.*
- (*Timenchik R. Iz Imennogo ukazatelya k "Zapisnym knizhkam" Akhmatovoy // I.A. Brodskiy: za i protiv: Antologiya: In 2 vols. / Comp. by O.V. Bogdanova, A.G. Stepanov. Vol. 2. Saint Petersburg, 2023. P. 641—671.*)
- [Тименчик 2023б] — *Timenchik R. Памяти Анатолия Наймана (1936—2022) // «Страх и Муза»: Ахматова, Мандельштам и их время / Ред.-сост. П.М. Нерлер. М.: Trofimov.design, 2023. С. 12—17.*
- (*Timenchik R. Pamjati Anatoliya Naymana (1936—2022) // "Strakh i Muza": Akhmatova, Mandel'shtam i ikh vremya / Comp. by P.M. Nerler. Moscow, 2023. P. 12—17.*)
- [Shohi Rosen 2011] — *Shohi Rosen M. The Independent Turn in Soviet-Era Russian Poetry: How Dmitry Bobyshev, Joseph Brodsky, Anatoly Naiman and Evgeny Rein Became the "Avvakumites" of Leningrad. Columbia University, 2011.*
- [Timenchik 1990] — *Timenchik R. En litterär intrig utan intrigmakare: Erik Mesterton, Anna Achmatova och nobelpriset // Ord och Bild. 1990. Nr. 4. S. 40—44.*